

П. Алабин

Четыре войны

**походные записки в 1849, 1853, 1854-56, 1877-78
годах**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Алабин**
Четыре войны: походные записки в 1849, 1853, 1854-56, 1877-78 годах / П. Алабин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 220 с.

ISBN 978-5-517-95895-2

ISBN 978-5-517-95895-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ЧАСТИ.

	Страницы.
М. Волочискъ. 30 Апрѣля 1849	3
Приказъ по 4 пѣхот. корпусу. 23 Апрѣля 1849 .	4
Лембергъ въ Галиціи. 15 Мая	6
Г. Перемышль	24
Г. Самборъ	30
Г. Дукло .	38
Высочайшій приказъ	39
С. Тилава. Венгерская граница. 10 Іюня	40
Моя поѣздка въ Венгрію	44
Г. Дукло. Пожаръ	50
М. Грабъ. 18 Іюня.	53
Г. Кашау. 26 Іюня.	55
Экспедиція въ горы. 7 Августа. г. Токай	116
Нередьгазъ. 8 Августа	121
Г. Дебречинъ. 12 Августа.	122
С. Дорогъ близъ Дебречина. 14 Августа	124
С. Берегъ-Сасъ. 21 Августа	138
Брѣпость Мункачь. 23 Августа	147
Альзо Верецке. 26 Августа	149
Перевальъ черезъ Карпаты. 29 Августа. г. Стры, въ Галиціи	152
Г. Рогатинъ. 30 Августа	154
Г. Галичь. 31 Августа.	155
Г. Рогатинъ. 2 Сентября	157
Г. Бременецъ, на Волыни. 16 Сентября, конецъ Венгерской кампаніи, возвращеніе въ Россію .	158
Приложеніе 1-е	1
Приложеніе 2-е	45

Часть I.

ВЕНГЕРСКАЯ ВОЙНА.

1849.

М. Волочискъ, 30 Апрѣля 1849.

Штабъ нашего, Камчатскаго егерскаго полка, подъ командою Генераль-Маіора Колзакова (*), стоялъ всю зиму, по 8 Апрѣля, въ г. Острогѣ, Волынской губерніи.

Въ послѣднее время нашей тамъ стоянки, мы, молодые, преисполненные жизни и жаждавшіе кипучей дѣятельности, люди прислушивались къ раскатамъ приближавшейся съ Запада бури, лаская себя надеждою увидѣть въ очію ея бушеваніе.

Вѣсть о близкомъ военномъ походѣ носилась въ воздухѣ и имѣла очевидное подтвержденіе въ приведеніи насъ на военное положеніе. Дѣйствительно, лишь наступила весна, мы оставили зимнія квартиры и 17 Апрѣля прибыли въ мѣс. Ярмолинцы, Подольской губерніи, гдѣ намъ и объявленъ походъ противъ Венгерскихъ мятежниковъ.

Объявленіе это было намъ сдѣлано слѣдующимъ „Приказомъ“ по 4-му пѣхотному корпусу, Генерала отъ инфантеріи Чеодаева, не лишеннымъ интереса, между прочимъ, по своей напыщенности (что бы не сказать—нелѣпости), и по тому, особаго рода, краснорѣчію, которымъ, несомнѣнно, хотѣлъ блеснуть авторъ этого приказа, — Начальникъ корпуснаго штаба, полковникъ С. Г. Веселитскій.

(*) Отецъ Александра Прокофьевича Колзакова, бѣдный, мѣлкопомѣстный дворянинъ Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи, 6 Января 1817 года опредѣлилъ его на службу (15-ти лѣтъ отъ роду), Подпоручикомъ, въ гренадерскій Императора Австрійскаго полкъ.

Небольшой ростъ и почти дѣтскій возрастъ Александра Прокофьевича дѣлали его весьма замѣтнымъ въ рядахъ старыхъ гренадеръ, кампанейцевъ 12 года: Солдаты полюбили маленькаго Колзакова, какъ игрушку, какъ забаву и оберегали его при отправленіи тяжелой въ то время службы. Почему то особенно привязалась къ Колзакову музыкантская команда; она взяла его на свое попеченіе, такъ сказать, вскормила его въ первые годы его службы и выучила чтѣму могла, грамотѣ и маршировкѣ.

11 Апрѣля 1821 года Колзаковъ произведенъ въ Прапорщики, въ полкъ Принца Карла Прусскаго; 10 Мая слѣдующаго года въ Подпоручики и 10 Декабря 1824 года—въ Поручики.

Колзаковъ былъ юноша скромный, изъ дому не получавшій ни какой матеріальной помощи, а потому всецѣло преданъ службѣ и не зналъ никакихъ развлеченій и увлеченій, отлично изучилъ ее, т. е. *фронтъ*, своимъ здравымъ природнымъ умомъ понявъ, что улучшенія своей будущности онъ можетъ ждать только отъ службы. Дѣйствительно, усилія Колзакова въ знаніи, *фронта*—были таковы, что однажды онъ имѣлъ счастье обратить на свою превосходную *маршировку* вниманіе, тогда еще Великаго Князя и Генераль-Инспектора Инженеровъ Николая Павловича, въ Динабургѣ на смотру Его Высочества, при церемониальномъ маршѣ. Судьба помогла Колзакову исключительно этой искусной маршировкой сдѣлать себѣ служебную карьеру. Въ 1825 году Колзаковъ повелъ людей, назначенныхъ изъ полка Принца Карла въ гвардію. Когда онъ представлялъ этихъ людей Николаю Павловичу, тогда уже вступившему на Престолъ, Его Величество изволилъ вспомнить Колзакова по Динабургу и 22 Декабря повелѣлъ прикомандировать его, а 14 Января 1826 года перевести въ Л. Г. Измайловскій

П Р И К А З Ъ

По 4-му пѣхотному корпусу. Дубно. № 92. Апрѣля 23 дня, 1849.

Бродяжническая шайка злонамѣренныхъ людей, сначала тайно, развратомъ неопытныхъ умовъ, прельщеніемъ ихъ своеволіемъ, вооружила наконецъ явно въ нѣкоторыхъ государствахъ, легкомыслящихъ и нетвердой нравственности людей, противъ Правительства и сіи заблуждающіеся, въ ослѣпленіи своемъ, произвели народныя бѣдствія.

Подъ кроткимъ и благодѣтельнымъ правленіемъ счастливая Австрійская имперія была для иноземцевъ примѣрной страной довольства, порядка и благоденствія.

Но въ потокѣ волненія народовъ и это счастливое, союзное намъ государство постигли тяжкія испытанія.

На призывъ дружественной намъ Австріи, Всемилостивѣйшій нашъ Государь Императоръ, по величію души Своей, для сохраненія спокойствія въ Галиціи, Высочайше повелѣть соизволилъ вступить въ нее вѣрными мнѣ войскамъ.

Его Свѣтлость, Главнокомандующій арміею, въ безконечномъ о насъ попеченіи, для обезпеченія нуждъ, сдѣлалъ нужныя (!) распоряженія.

Богъ благословитъ наше доброе дѣло.

На дѣло чести, на дѣло славы—впередъ братцы!

Приказываю вамъ сохранить порядокъ и устройство, которыми вы всегда были одушевлены. Съ мирными жителями обходитесь кротно и дружелюбно, что-бы, при возвратѣ вашемъ домой, мы могли съ чистою совѣстью сказать: мы свято исполнили свой долгъ, помогли сосѣдямъ и на чужой сторонѣ приобрѣли друзей.

полкъ, тѣмъ же Поручичьимъ чиномъ, пожаловавъ ему на гвардейскую экипировку 1241 р. ассигнаціями.

Первою затѣмъ наградою, полученною Колзакowymъ, была пожалованная ему золотая табакерка, съ мозаикою, въ память рожденія Великаго Князя Константина Николаевича, совершившагося во время караула Колзакова въ Зимнемъ дворцѣ.

Колзакову не довелось сдѣлаться боевымъ офицеромъ. Въ турецкую войну 1829 г. онъ дошелъ только до Тульчина, а въ польскую, командуя ротой, стоялъ въ резервѣ при штурмѣ Варшавы, 25—26 Августа 1831, не принимая активнаго участія въ бою, что не помѣшало, однако, ему получить за этотъ штурмъ орденъ Св. Владимира 4 ст. съ бантомъ. Послѣдовавшая затѣмъ: преслѣдованіе мятежниковъ до прусской границы и блокада Модина, тоже не дали Колзакову случая быть въ огнѣ.

По возвращеніи изъ Польской кампаніи, 25 Іюня 1832, Колзаковъ произведенъ въ Капитана, а 4 Августа 1837 г. въ Полковника Л. Г. Палловскаго полка, откуда переведенъ, 16 Апрѣля 1841, въ свой любимый Измайловскій полкъ, гдѣ принялъ батальонъ, а 12 Февраля 1845 назначенъ командиромъ Камчатскаго егерскаго полка и 6 Декабря 1846 года произведенъ въ Генераль-Маіоры.

Съ первыхъ моментовъ своей службы въ арміи, Колзаковъ встрѣтилъ много неприятностей. Усилившіеся гемороидальные припадки, которыми онъ давно уже страдалъ, и вражда, закинутая у него съ Бригаднымъ командиромъ, Генераль-Маіоромъ Житковымъ, съ которыми онъ имѣлъ какіе-то неприятные счеты еще въ гвардіи, ожесточали Колзакова до крайности. Онъ, дѣлая его, подъ часъ, весьма тяжелымъ для подчиненныхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, не все-короче, простили ему его выходки за его добрую душу, и открытый, прямой ха-

Когда же потребуется нашъ штыкъ да сабля, тогда начальники покажутъ путь и во славу Государя и Отечества мы дружно вскрикнемъ „ура“!

Подписаль: Генераль отъ инфантеріи Чеодаевъ.

27 Апрѣля нашъ полкъ выступилъ изъ м. Ярмолинецъ, войдя въ составъ четвертой колонны дѣйствующей арміи и 1 Мая, согласно полученному нами маршруту, долженъ перейти границу здѣсь, въ Волочискѣ.

Сегодня командиръ полка, Г.-М. Колзаковъ, отдалъ слѣдующій приказъ по полку:

„Завтрашняго числа ввѣренный мнѣ полкъ вступаетъ въ предѣлы Австріи.

Событіе это даетъ мнѣ случай сказать гг. офицерамъ и солдатамъ, подъ моею командой состоящимъ, ревностной службы которыхъ я четыре послѣдніе года имѣлъ честь быть ближайшимъ свидѣтелемъ, что это событіе представляетъ имъ случай доказать: въ какой степени они всегда готовы точно и свято исполнять волю нашего Отца-Государя?

Чѣмъ строже и точнѣе выполнимъ мы эту священную волю, тѣмъ блестящѣе явимъ доказательство любви къ Августѣйшему Отцу нашему, тѣмъ явимся мы точнѣйшими исполнителями той клятвы, которую, предъ лицомъ Царя Царей, мы принесли Царю и Отечеству и, наконецъ, тѣмъ большее мы будемъ имѣть право гордиться именемъ русскихъ; тѣмъ большее мы будемъ имѣть право сказать нашимъ потомкамъ, что передавая имъ въ наслѣдство это имя, грѣмящее по всему міру славой непобѣдимыхъ воиновъ и благородныхъ миротворцевъ, мы не запятнали чистоты его, а, на противъ, привили къ нему новыя, блестящія лучи.

Вамъ извѣстно въ чемъ состоитъ эта Августѣйшая воля?

Государю Императору угодно, чтобы мы помогли стариннымъ друзьямъ нашимъ водворить въ своихъ предѣлахъ тотъ миръ и тишину, подъ сѣнію

рактерь. Неудовольствія и безпрестанныя пререканія съ Бригаднымъ командиромъ, навлекли на Колзакова большія невзгоды со стороны высшихъ военныхъ властей, обыкновенно, изъ принципа, принимавшихъ сторону его врага—Бригаднаго командира. Дошло до того, что у Колзакова хотѣли отобрать полкъ, подъ предлогомъ его болѣзненнаго состоянія и даже, на походѣ, прислали Подполковника Пустовойтова (отца извѣстной въ послѣднее польское возстаніе *амазонки*, подъ именемъ „*дѣвицы Пустовойтовой*“ --адъютанта Лангевича), принять отъ него полкъ на законномъ основаніи, но Колзаковъ не допустилъ до этого и хотя сильно страдалъ физически и нравственно, но полка своего не покинулъ. Впрочемъ, Колзаковъ не всегда могъ совладать съ собою и на одномъ переходѣ, выведенный изъ терпѣнія начальникомъ дивизіи Генераль-Лейтенантомъ Бѣлогужевымъ, бросился на него верхомъ и наговорилъ ему дерзостей. Результатомъ было, что гоненіе съ полковаго командира распространили на полкъ и стали держать его, что называется, въ черномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, во все время Венгерской кампаніи, Камчатскому полку недали возможности принять участіе въ какомъ либо дѣлѣ, не смотря на то, что онъ шелъ въ авангардѣ, разбивъ его на части и оставивъ его содержать коммуникаціонную линію и гарнизоны въ Эпересѣ и Кашау.

Будучи назначенъ командующимъ резервною бригадою 3 гренадерской дивизіи, Колзаковъ сдалъ, во время стоянки въ Кашау, Камчатскій полкъ своему преемнику Полковнику барону Фитингофу, на законномъ основаніи, въ совершенной исправности (какъ гласила полученная имъ квитанція въ сдачѣ полка), *въ 24 часа*, что составляло шикъ того времени.

Колзаковъ умеръ въ Орлѣ, 20 Іюля 1852 года, на 50-мъ году жизни, въ должности завѣдующаго складами обмундированія и вооруженія и кадрами 4-хъ запасныхъ баталіоновъ гренадерской дивизіи и 12 резервныхъ баталіоновъ 5 пѣхотнаго корпуса.

которыхъ они, въ дружбѣ и священномъ союзѣ съ нами, столько лѣтъ благоденствовали, — тотъ миръ и тишину, которые, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Австріи, нарушены мятежниками и клятвопреступниками.

Изъ этого ясно: какую прекрасную обязанность угодно было Государю возложить на насъ, — какую благородною довѣренностію Ему было угодно облечь насъ!

Мы ли не оправдаемъ довѣренности этой? Мы ли не явимся достойными нашихъ отцевъ и братій, такъ вѣрно служившихъ Его, въ Бозѣ почившему, Августѣйшему Брату! Мы ли не явимся достойными потомками тѣхъ русскихъ, которые въ 1812 году, сокрушивъ страшнаго врага, явились въ годахъ послѣдующихъ умиротворителями всей Европы!

Нѣтъ, Русскіе остались тѣми-же. Слава не покинетъ нашихъ знаменъ, а друзья увидятъ: умѣемъ ли мы быть друзьями!

Что прибавить? Пусть cadaго руководитъ честь и долгъ. Пусть ни кто не забываетъ, что блаженство, какъ земное, такъ небесное, бываетъ наградою только милостивымъ и кроткимъ.

Мнѣ остается пожелать, чтобы и за рубежомъ Отечества сохранилась въ васъ, друзья мои, та-же безукоризненная нравственность, то-же стремленіе къ неуклонному исполненію своего долга, которыми я, какъ командиръ вашъ, доселѣ имѣлъ счастье гордиться“.

15 Мая. Лембергъ въ Галиціи.

Изъ Высочайшихъ Манифестовъ русскіе знаютъ, что побудило нашего Великаго Государя повелѣть Своимъ войскамъ вступить въ предѣлы Австрійской Имперіи!

Прежде чѣмъ продолжать выписки изъ своего дневника, веденнаго во время Венгерской кампаніи, считаю необходимымъ оговориться.

Конечно, *дѣйствительныя* причины нашего вмѣшательства въ австрійскія дѣла, съ цѣлію подавленія Венгерскаго возстанія, не могли быть представлены, во всей подробности и въ настоящемъ свѣтѣ, въ официальныхъ о томъ правительственныхъ извѣщеніяхъ, обращенныхъ къ отечественному населенію и къ войскамъ, а литература того времени оставалась безгласною, не дерзая обращаться къ разъясненію, — тѣмъ болѣе къ обсужденію правительственныхъ мѣропріятій по государственнымъ вопросамъ. По этому, относительно поводовъ и причинъ войны, въ которой намъ предстояло принять участіе, мы могли знать только то, что правительство находило необходимымъ намъ сообщить.

Между этими сообщеніями и дѣйствительностью могли быть, и не рѣдко бывали, если не пропасти, то большіе овраги! Впрочемъ, истина въ данномъ случаѣ не намъ только, рядовымъ людямъ арміи, была не доступна: отъ ея познанія было также далеко почти все русское общество, какъ

и мы (*). Если бы это было не такъ, то въ Обществѣ не сложилось бы впоследствии убѣжденія о бесполезности и неумѣстности нашего вмѣшательства въ Венгерскія дѣла, въ 1849 году, даже больше, о навлеченіи этимъ вмѣшательствомъ великихъ бѣдъ на наше отечество, которыя ему суждено было испытать впоследствии, какъ бывшія прямымъ результатомъ этого вмѣшательства.

Желая, по возможности, освѣтить передъ нашими читателями настоящій вопросъ, мы цитируемъ обсужденіе его, приведенное въ замѣчательномъ трудѣ, изданномъ, въ 1879 году, въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852—56) par un ancien diplomate“.

„Въ концѣ достопамятнаго 1848 года, говоритъ „Бывшій дипломатъ“ (Томъ 1-го стр. 29 и пос.), спокойная и энергичная осанка, принятая на себя Россіей, остановила ходъ революціи, поддержала потрясенныя правительства и все европейское зданіе, колебавшееся на своихъ основаніяхъ на Сѣверѣ также, какъ на Югѣ,—на Востокѣ—также какъ и на Западѣ.

Оставалось только обезпечить неприкосновенность Австрійской имперіи, умиротворивъ Венгрію, гдѣ сосредоточивались всѣ элементы всемірной революціи.

Сильно осуждали наше вмѣшательство въ Венгерскія дѣла. Должно, однако, признать, что таковое вмѣшательство было логическимъ развитіемъ всей системы и тѣхъ неизмѣнныхъ принциповъ, которымъ всегда слѣдовалъ Императоръ Николай.

Венгерская революція происходила въ нашемъ непосредственномъ сосѣдствѣ. Мы не могли оставаться ея равнодушными зрителями. Въ началѣ имѣвшая характеръ исключительно аристократическій и монархическій, она вскорѣ проницлась элементами, потрясавшими Европу (**).

Участіе Бема, Дембинскаго и польскихъ легіоновъ придадо ей направленіе, вполне враждебное нашимъ интересамъ. Легко было предугадать какіе окончательные результаты будутъ имѣть ея успѣхи? Было ясно, что однажды уничтожена Австрійская имперія, освобождена отъ ней Венгрія, мы станемъ лицомъ къ лицу со множествомъ маленькихъ анархическихъ республикъ, которыя, съ помощью космополитической революціи, образуются на развалинахъ Австріи и Турціи. Кромѣ того, что перспектива рисовала враждебнаго, иде-

(*) До чего могла доходить нелѣпость въ толкованіи причинъ нашего военного вмѣшательства въ Венгерскія дѣла, можетъ служить слухъ, распространенный между старообрядцами всей Россіи, будто война Венгерцамъ объявлена нами за лжемитрополита, бѣжавшаго къ нимъ и котораго, несмотря на наши требованія, они не хотятъ выдать.

(**) „Россія, какъ Славянское Государство, ни какъ не могла допустить, что бы въ сосѣдствѣ съ нею возникло Мадьярское Государство, съ либерально революціонною и противо-Славянскою политикою. Императоръ Николай, всю Свою жизнь посвятившій великому дѣлу уничтоженія Турецкаго Государства въ Европѣ и освобожденія Турецкихъ славянъ отъ вѣковаго ига, не могъ равнодушно смотрѣть на то, какъ на границѣ Его Государства возникала новая Турція, хотя-бы и въ новой формѣ. И этотъ Государь Славянской Россіи поступилъ лишь въ Славянскомъ духѣ, въ интересахъ Славянскаго міра, когда испровергъ въ прахъ Азіатскихъ Мадьяръ и могучею рукою уничтожилъ то зданіе, которое построилъ Мадьярскій фанатизмъ съ цѣлью угнетенія Славянъ“ (Цитъ. Исторія Словаковъ. Стр. 181).

ямъ господствовавшимъ въ нашей политикѣ, успѣхи этой революціи прямо вредили намъ тѣмъ, что ближайшимъ ихъ послѣдствіемъ было образованіе изъ Польши открытаго въ намъ пути для всѣхъ нашихъ европейскихъ вооруженныхъ враговъ. Въ виду этой явной опасности, мы ни на кого не могли рассчитывать. Англія раздувала революцію на континентѣ; Франція, сама жертва анархіи, была чрезвычайно подозрительна; — Германскія правительства были развращены демагогіей; — Пруссія являлась слабою и колеблющеюся. Оставалась только Австрія, поддержаніе которой, казалось, могло насъ обезпечить отъ представлявшихся случайностей. Это было постоянной руководящей идеей нашей политики съ 1815 года. Императоръ Николай, наслѣдовавъ ее отъ своего Августѣйшаго Брата, оставался ей вѣренъ.

Давно уже Николай Павловичъ предложилъ Свою помощь Императору Францу-Іосифу, но экспедиція генерала Лидерса въ Трансильванію показала, что всякая частная помощь, какъ полумѣра, не будетъ имѣть надлежащаго значенія, а потому Императоръ Николай рѣшился дѣйствовать не иначе, какъ только посредствомъ вполне достаточныхъ военныхъ силъ (*), при чемъ въ устраненіе всякихъ могущихъ произойти вредныхъ разномысліи при командованіи ими, Императоръ Николай рѣшился дѣйствовать совершенно самостоятельно. Впрочемъ, Онъ ничего не требовалъ отъ Австріи за Свою услугу, даже не желалъ возмѣщенія Своихъ военныхъ издержекъ въ эту кампанію. Увѣряютъ, что во время пребыванія своего въ Варшавѣ, Императоръ Николай былъ побуждаемъ предложить австрійскому правительству нѣкоторый территоріальный обмѣнъ, въ видахъ возвращенія Россіи части Галиціи. Конечно, Австрія слишкомъ сильно тогда нуждалась въ насъ, чтобы не *купить* помощи, отъ которой зависѣло ея спасеніе; но, не смотря на это, если изложенная идея и имѣлась, то ей не было дано развитія, вѣроятно, вслѣдствіе неуклонной правдивости Императора Николая. Онъ только желалъ поддержанія европейскаго Status quo, которое онъ признавалъ необходимымъ для безопасности Россіи. Если Онъ и поднималъ оружіе, то собственно для возстановленія порядка. Онъ отступилъ бы отъ Своихъ правилъ, допустивъ модификацію, хотя бы даже и въ интересахъ Россіи.

Что касается до Императора Франца-Іосифа, то онъ, изъ весьма естественнаго чувства самолюбія, долго затруднялся принять предложенную ему помощь. Однако, положеніе Австріи дѣлалось столь критическимъ, что долѣе не возможно было медлить. И Францъ-Іосифъ уже не только не колебался болѣе, но прямо умолялъ о помощи своего Августѣйшаго союзника, усиливъ самыя сердечныя свои изліянія при варшавскомъ съ Нимъ свиданіи, явившіяся печальнымъ противорѣчіемъ тому, что вскорѣ затѣмъ послѣдовало.

*) Когда въ Венгрію было двинуто 200000 русскихъ, одно высокопоставленное лицо спросило Императора Николая: „какая надобность употреблять въ дѣло такую огромную силу?“ На это Царь отвѣтилъ: „Такая сила нужна потому, что эта война такъ непопулярна въ мнѣ Государствѣ, что ее необходимо окончить, въ три мѣсяца. Kossuth. Souvenirs et écrits de mon exil, Periode de la guerre d' Italie, Paris. 1880. Стр. 110—111.“